

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I. Повесть об учителе физики

Mezzo forte	8
Четверть первая. Largo	10
Август	10
Сентябрь	20
Октябрь	38
Четверть вторая. Vivace	61
Ноябрь	61
Декабрь	88
Четверть третья. Presto	104
Январь	104
Февраль	117
Март	133
Четверть четвертая. Prestissimo	140
Апрель	140
Май	156
Ritornello	168

Часть II. Управление процессами саморазвития учащихся при обучении физике

Введение	172
Глава 1. Саморазвитие учащихся при изучении физики как синергетический процесс	175
1.1. Управление процессами саморазвития учащихся и школьных коллективов с учетом синергетических закономерностей.....	175
1.2. Принципы управления саморазвитием учащихся в процессе обучения физике	181
1.3. Основные направления деятельности учителя по созданию саморегулирующейся учебно-воспитательной системы обучения физике	191

Глава 2. Управление саморазвитием мотивационной сферы учащихся в процессе обучения физике.....	209
2.1. Формирование мотивации учащихся с учетом закономерностей социальной саморегуляции.....	209
2.2. Формы и методы развития мотивационной сферы школьников в единой урочной – внеурочной системе обучения физике.....	222
2.3. Рейтинговая система оценки как средство развития коллективной и индивидуальной мотивации учебно-познавательной деятельности школьника.....	238
 Глава 3. Управление саморазвитием мышления учащихся при обучении физике.....	246
3.1. Развитие мышления учащихся как саморазвивающейся когнитивной структуры.....	246
3.2. Управление саморазвитием мышления учащихся на основе комплексного использования средств наглядности.....	264
3.3. Реализация синергетических принципов управления саморазвитием мышления школьников в обучении решению физических задач.....	283
3.4. Управление саморазвитием учащихся в процессе формирования физических понятий.....	304
 Заключение	313
Библиография	315

От автора

Знакомство с научно-методическим исследованием, изложенным в классическом стиле, требует предварительной подготовки и некоторых волевых усилий. Но у среднестатистического читателя, как правило, нет такой подготовки, так же как и стимула вникать в сложные формулировки, таблицы и схемы. Именно поэтому многие интересные идеи в области педагогики так и не получают широкой огласки и практического применения.

Изложение этих же идей в жанре художественного произведения более понятно неискушенному читателю, но при этом утрачивается лаконичность, точность и обобщенность теории излагаемого вопроса.

Именно эти соображения легли в основу построения книги, которая состоит из двух частей различных жанров: первая является повестью об учителе физики, начинающем работу в деревенской школе, вторая представляет научное исследование проблемы управления саморазвитием учащихся. Одна и та же проблема рассматривается и раскрывается с двух различных позиций: начинающего учителя и ученого-методиста. Каждая из частей является самостоятельным, законченным произведением и может быть прочитана независимо от другой части.

Первая часть, называемая «Четыре четверти», будет интересна учителям и все тем, кого интересуют профессиональные проблемы современной школы. Если после прочтения этой половины книги возникает желание ознакомиться с теоретическим основанием действий, приписываемых молодому педагогу, то можно перейти ко второй части, содержание которой будет полезно исследователям в области педагогики, теории и методики обучения физике, учителям, методистам, работникам управления образованием.

Часть I

**ПОВЕСТЬ
ОБ УЧИТЕЛЕ ФИЗИКИ**

---

*Посвящается всем учителям, которые любят
свою работу и не бросают ее, несмотря на
неустанную заботу государства.*

Mezzo forte

Один год – это много?

Глупый вопрос – для кого как. Для холма, хмуро нависающего над рекой и деревней, – это краткий миг, а для колорадского жука, без прописки проживающего в деревенской картошке, – это целая жизнь: он еще и внучков на картофельном листочке по осени покачать успеет.

А для молодого специалиста, закончившего педагогический университет и приехавшего в эту деревню учителем, – это много? Не знаю. Мне кажется, достаточно. Хотя бы для того, чтобы определиться, нравится ли тебе жить не по астрономическому году, а по учебному, готов ли ты всю жизнь мерить не месяцами, а школьными четвертями, не устанешь ли каждое утро мчаться на работу, именуемую угрожающей аббревиатурой «МОУ СОШ».

Так вот: представленное повествование охватывает один год – учебный.

Один год школы. Обычной общеобразовательной средней школы в глубинной российской деревне.

В этой школе нет Учителя с нимбом над головой, как нет и училки с хвостом и рожками.

В этой школе нет ни героев, ни злодеев, а есть ученики. Ученики, которые учатся, и ученики, которые учат.

Учитель или родитель, читающий эту книгу, не найдет в ней готовых к применению методических рецептов, а получит горчичники новых вопросов. А что вы хотели от молодого специалиста, который не знает, что такое «наполняемость оценок» и как формулируется «трехдневная цель урока»?

В рассказанной истории нет моей личной жизни. Не потому, что она у меня отсутствует или мне есть что скрывать. Пожалуйста: у меня была городская девушка Настя, потом, когда я начал учительствовать, она как-то постепенно заменилась на деревенскую Машу, которая стала моей женой. Двое наших детей родили нам четверых внуков.

В окружении любимой жены, детей, внуков, благодарных учеников и верных друзей я и умер в счастливой и глубокой старости...

Вот так примерно можно описать мою прошлую, настоящую и даже будущую личную жизнь, мало отличающуюся от жизнеописания вышеупомянутого колорадского жука с точки зрения «молодого специалиста», увлеченного исключительно вопросами повышения эффективности обучения.

Итак, я перечислил то, чего в моем повествовании нет.

Все остальное – есть! Ну, во всяком случае, я так думаю. Наверное, как всегда для молодого специалиста, весьма самонадеянно.

Четверть первая

Largo

АВГУСТ

Бытие определяет сознание...

Известная часть высказывания
основоположника

...а сознание – бытие!

Неизвестное продолжение известного
высказывания основоположника

– Поздравляю вас с назначением! Молодежь нам в школе нужна! Мужики нам в школе нужны! – прокричал энергичный крепкий дядечка с аккуратным кругленьким брюшком, запнулся и замолчал.

– Физики нам нужны! – подсказал я.

– Да! – обрадовался он. – Физики нам нужны! Успехов вам и новых творческих педагогических находок!

Затем заведующий районным отделением образования решил, что поздравительная речь, посвященная молодому специалисту, обрела завершенность. Он молча и интенсивно потряс мою руку, затем отпустил ее для того, чтобы вложить в нее букет гладиолусов. Так я был благословлен на работу учителем физики в Тюленёвскую среднюю школу.

Грунтовая дорога, единственная ведущая в деревню, после дождя превращалась в непреодолимое препятствие, надежно охраняющее ее от тлетворного влияния цивилизации. В начале дороги висел знак, запрещающий движение грузового транспорта. За знаком сразу начинались две глубокие, заполненные водой глинистые колеи, наводящие на мысль, что легковому автомобилю, которому тут ездить разрешено, будет непросто воспользоваться своим законным правом. Колея, судя по верстовому столбу, должна была закончиться через 50 километров в Тюленёвке. В память о погибших на этом пути легковых автомобилях я положил гладиолусы под знак и смело сделал первый шаг за него...

Ноги все время разъезжались на скользкой грязи. Вернуть их обратно было сложно – тонны глины, налипшие на сапоги, подчинялись моим усилиям лениво и неохотно. Комары противно звенели где-то за затылком. Через два часа к этому звуку присоединился еще один. Он нарастал, и, наконец, оформился в звук работающего агрегата славной семьи двигателей внутреннего сгорания. Через какое-то время возле меня остановилась молоковозка.

– Куда идешь, парень? – спросили меня из кабины.

– В Тюленёвку, куда еще-то! – ответил я с раздражением, так как понял, что в кабине уже сидят и мне нет места.

– Я хотел спросить, к кому идешь-то? – дружелюбно уточнили из машины.

– Я к вам в школу, учителем физики.

– Поедешь в бочке? – спросил меня шофер, и я понял, что другого выхода у меня нет...

В цистерне молоковоза противно пахло молоком, сильно мотало, открытая крышка люка ужасно гремела о цистерну. Машина надсадно выла, временами о цистерну что-то шлепало, стучало и скрежетало.

Наконец мы остановились.

– Эй! Ты там живой? – по цистерне гулко постучали.

– Живой! – откликнулся я и вылез из люка.

Снизу, рядом с водителем, стояли два его попутчика и три женщины. Они с любопытством и без стеснения пялились на меня. Я почему-то обратил внимание на глубокие галоши на ногах всех трех женщин.

– Ково это ты нам привез? – спросила та, у которой галоши были новые и черно блестящие.

– Учителя физики! – ответил мой спаситель с гордостью охотника, добывшего редкий и ценный трофей.

Я спрыгнул с машины и хотел представиться, но вместо этого быстро побежал на другую сторону машины. Городская пища рванулась из меня на жирную деревенскую траву.

– Облевался! – удовлетворенно констатировали за молоковозкой.

Таким впечатляющим было мое первое появление на сцене. Здесь мне предстояло играть роль учителя. И играть довольно долго – до возраста, ограничивающего взгляд военкомата на мое единственное и родное тело как на пушечное мясо.

Теперь о декорациях.

Деревня до революции была большим, богатым и процветающим селом с красивой церковью, в селе насчитывалось семь речных мельниц и одна большая, ветряная. В годы советской власти вместо множества крепких частных хозяйств появился один совхоз, который не твердо стоял на пьяных ногах в прямом и переносном смысле. Крестьяне спивались, деревня хирела. Когда восторжествовала демократия, совхоз превратился в «ООО», но метаморфоза не повлияла на устойчивость хозяйства и его работников. В общем, это была обыкновенная деревня, которых в России тысячи.

Достопримечательна деревня парком культуры и отдыха. Парк почему-то назван именем Патриса Лумумбы, хотя никакой Лумумба здесь отродясь не был и, более того, нога негра на эту землю вообще никогда не ступала. До революции это было кладбище, после могилы снесли и заасфальтировали под танцплощадку, церковь разрушили, могильные плиты положили в фундамент крайне необходимого в деревне здания – партбиблиотеки.

При демократах танцплощадку растащили на дрова и на тес. На единственный асфальтированный кусок деревенской поверхности между разрушенной церковью и рухнувшей партбиблиотекой ходят гулять по вечерам.

На постой меня определили к бабушке – Татьяне Константиновне.

Внешне божий одуванчик, Татьяна Константиновна была стальной бабкой, натерпевшейся в жизни столько, сколько обычный человек вынести не может. Отца ее раскулачили, семью сослали. По дороге ее братья и мать померли от голодухи и морозов. Жила в людях. Потом вышла замуж, ломалась в колхозе практически задаром и рожала детей, которых у нее было сначала пятеро. В Отечественную муж пропал без вести, двое детей умерло. Остальных она сумела в одиночку поднять на ноги и дать им образование. Сама при этом научилась только читать по слогам и писать печатными буквами.

Главное, чему научилась Татьяна Константиновна, – не верить никакой власти, а рассчитывать только на себя. На печке у нее всегда был стратегический запас соли, хозяйственного мыла, спичек и сухарей.

Для Татьяны Константиновны я был выгодным постояльцем, за меня ей бесплатно давали дрова и электроэнергию, а я помогал ей в нехитром хозяйстве – наколоть дров, принести воды.

Деньги, выделяемые мною на харчевание, расходовались бабой Таней очень экономно. Их с лихвой хватало на завтраки, обеды и ужины, накрываемые неизменно, как по расписанию.

Баба Таня относилась ко мне со снисходительной любовью, которой любят убогих дурачков. Я не курил, не пил, не ругался матом, не умел водить трактор, косить и работать бензопилой. Поэтому в глазах бабы Тани я был недомужиком, достойным жалости и участия.

При доме – огромный огород, крошечная, но уютная банька, деревянный сортир, низкий, узкий и неудобный, а также ветхозаветный сарай, покрытый то ли рубероидом, то ли мхом.

За огородом, сразу после хилой оградки, без предисловий начинается Лес. Он дает жителям землянику, клубнику, чернику, малину, костянику, бруснику, клюкву, грибы, дрова, стройматериал, траву для скотины. Лес круглогодично снабжает озерной рыбой, а иногда балует козлиным и утиным мясом. В мироощущении местных аборигенов Лес – кормилец и безоговорочный и полноправный хозяин всего местного уклада жизни. В ветреную погоду Лес могуче шумит, подобно морю. Когда тихо, можно слышать разнообразные и загадочные для горожанина звуки населяющих его белковых существ: уханье, стрекотанье, чириканье и свист.

От дома до школы в хорошую погоду можно дойти за пятнадцать минут, наслаждаясь неторопливым физическим упражнением перестановки ног. После хорошего дождя ноги утяжелялись сапогами, дорога размокала, переброска своего туловища по той же траектории становилась нетривиальной задачей и занимала добрых полчаса.

Школа стоит на самом высоком месте и видна издалека. Вблизи ее вид портит грубая, небрежно-торопливая кирпичная кладка советских времен. Широкие окна, много раз размороженная и восстановленная местными умельцами отопительная система, плохой уголь и пьяный кочегар создают в школе незабываемо свежую атмосферу в течение всей зимы, половины весны и половины осени. Школьная кочегарка успевает за год «выпустить в трубу» весь сельский бюджет, почти целиком формируемый за счет налогов с винного магазина. Поэтому каждый раз в черном дыму кочегарки я вижу вылетающие души местных деревенских мужиков, пропитые в винном ларьке.

Над входной школьной дверью висит транспарант с загнутым правым краем. Он гласит: «Здравствуй, школ».

По сколу школьной двери (как по годовым кольцам дерева) можно определить количество покрасок, совпадающее с числом пережитых ею школьных реформаций. Их было три: первая – при реформировании образования, вторая – при его модернизации и, наконец, третья –

при реализации национального проекта «Образование». На первые две покраски деньги давал совхоз, на последнее кардинальное обновление деньги «стрясли» с родителей.

Без мелких придирок можно сказать, что это большая светлая трехэтажная школа на «вырост», со спортзалом и огромной столовой, заполняемой едва наполовину. В школе 365 учащихся, 13 классов – с первого по одиннадцатый, два десятка учителей, в основном предпенсионного, пенсионного и далеко запенсионного возраста, завуч, директор, секретарь, иногда пьяный завхоз, иногда трезвый сторож и всегда пьяный электрик-сантехник-плотник, триединый в одном лице.

Через некоторое время, когда дети в деревне совсем переведутся, здесь будет какой-нибудь склад. Хотя что хранить в таком большом складе в деревне, в которой ничего нет?

В школе учатся не только «родительские» дети, но и ребята из детского дома, находящегося в живописном месте за бугром, в двух километрах ходьбы от деревни. Детский дом является реальным воплощением утопической идеи Ж. Ж. Руссо о необходимости изоляции воспитательного учреждения от внешнего мира. Если детдом надежно укрыт от внешнего мира косогором, то нельзя утверждать обратное: что внешний мир находится в безопасности от воздействия детского дома. Деревенские огороды постоянно страдают от набегов охочих до домашних огурцов детдомовских архаровцев.

Все эти детали я узнал, естественно, позднее. А сейчас я совершал мой первый ознакомительный променад, имеющий целью рекогносцировку театра военных действий и ревизию всего доступного мне пространства.

Мир, в котором мне предстояло тянуть срок, был невелик и скуден. Ограниченный лесом и рекой, он составлял площадь, едва достигающую шести квадратных километров. Добрую половину этой вселенной занимает «поскотина». Так местные жители называют кочковатое, как бы бородавчатое, в общем-то, пустое и совершенно никчемное пространство, покрытое жидкими волосиками вытоптанной скотиной травы.

Сейчас я находился на восточном краю этого довольно убогого мирка, возле детского дома. На ржавой карусельке, из тех, что обычно показывают в фильмах ужасов, бесцельно крутился щуплый пацаненок. Наконец ему это надоело и он попытался спрыгнуть. Каруселька

предательски крутнулась под его ногами, и он, не удержавшись, шмякнулся на землю.

Когда я подбежал, стало ясно, что ничего страшного не случилось. Мальчик потирал ушибленное колено и плакал. Это не был нарочито призывный и громкий плач избалованного шалопая, которому мама не покупает очередную дорогую игрушку. Так плачет престарелый отец над посмертной наградой единственного сына. От стариковской безысходности и тоски плача маленького детдомовца стало жутко и неудобно.

– Тебе подуть? – спросил я.

Пацан удивленно поднимает на меня большие карие глаза, которые в сочетании с очень коротко подстриженными волосами и тонкой шеей кажутся еще больше.

– А что, помогает? – недоверчиво осведомляется он.

– Еще как! – убеждаю я и дую на коленку изо всех сил.

Безотказный метод подействовал и сейчас, даже через трико.

– Чо-то я, как дура, упала, – неожиданно сказал мальчик и улыбнулся. Теперь мне становится понятно, что это не мальчик. Просто я еще не привык видеть почти наголо бритых девочек, да еще с яркими пятнами зеленки на голове.

– А я знаю, как вас зовут! – вставая, замечает девочка.

– Да ну! – удивляюсь я. – И как же?

– Вы физик. Новый.

– Точно! Хотя меня зовут немного по-другому. А тебя как зовут?

– Люся. А еще вы будете у меня классным руководителем.

– А вот и не угадала. Я буду классным в 7 классе.

Люся кокетливо улыбнулась.

– А я и буду учиться в 7 классе.

Только через некоторое время я научился отличать детдомовских детей и определять их возраст. Дело в том, что детдомовские дети, как правило, отстают от своих домашних сверстников в развитии.

Два воспитателя и нянечка, отрабатывающие смену, должны уделить внимание двадцати детям. Никто не будет «детдомовскому» ребенку перед сном читать книжку, которая ему нравится. Книжка читается одна на всех. Кушать он будет не тогда, когда захочет, а тогда, когда наступит время обеда, и не то, что любит, а то, что сегодня заказано в меню. Все недостатки массового характера воспитания детского дома приводят к тому, что ребенок, пусть даже с хорошими задатками

и способностями, неизбежно начинает отставать от своего «домашнего» сверстника.

Парадокс заключается в том, что недостаток внимания сказывается даже на чисто физиологическом развитии. В детском доме кормят не так уж и плохо, иногда даже лучше, чем в иных деревенских семьях, но все равно «детдомовские» дети отличаются от «родительских» так же, как инкубаторские цыплята от деревенских, бегающих за несущей.

– А меня зовут Леш... э-э-э Алексей Петрович, – я протягиваю Люсе руку.

Она быстро и как-то опасливо ее пожимает. Ее ладошка узкая и холодная. Люся отступает на шаг назад и говорит:

– До свидания.

Затем достает затемненные очки и гордо водружает их на свой нос. Очки дешевые, пластмассовые, почти игрушечные. Видно, что в них практически ничего не видно. Узкие черные очки в сочетании с бритой головой в зеленых пятнах смотрятся очень комично. Я едва удерживаюсь от смеха при этой неожиданной демонстрации нечеловеческой красоты и гламура.

В конце моей первой прогулки произошел конфликт с местным жителем, стремительно завершившийся физическим контактом. Где-то посередине между школой и домом из подворотни выскочил мелкий истеричный кобелек, который без всякого объяснения причин с мерзким шавочным лаем укусил меня за лодыжку. Небольшо, но очень неожиданно и оттого обидно. Еще обиднее стало потому, что камень, запущенный мною в агрессора, не достиг цели. Пока я наклонялся, резвый крысенок-переросток успел нырнуть в спасительную щель под воротами.

– Один-ноль в твою пользу! Но я круче, и я еще албибэкнусь, бэби! – пригрозил я. Но настроение, и так не мажорное, после инцидента установилось самое мерзопакостное. Способ косить от армии оказался более поганим, чем предполагалось.

Мой первый день работы совпал с педагогическим советом. Директор поздравил всех с началом учебного года, представил меня как молодого специалиста, а затем с видимым облегчением предоставил слово завучихе. Завучиха, дородная женщина с большой, даже, можно сказать, угрожающей волосяной шишкой на голове начала свою речь

словами: «Дорогие товарищи и господа! Хочу вам еще раз напомнить о том, как правильно заполнять Журнал и какие новые изменения и требования будут в этом году».

Народ, оживившийся при моем представлении, при первых же словах завучихи впал в летаргическое состояние. Из дальнейшей речи я понял, что в университете меня не учили самому главному – заполнению Журнала. Об этом тонком и важнейшем педагогическом искусстве не писал никто из великих педагогов, что, конечно же, характеризует этих педагогов не как великих, а как посредственных и даже никудышных людишек в образовании.

Они не знали, что, во-первых, уроки должны быть в Журнале написаны не той датой, когда проходили, а как должно быть по расписанию; во-вторых, оценки, полученные сразу всеми учениками за один урок, например за контрольную работу, нельзя, почему-то ставить в одну колонку одним числом, а надо «разносить», в-третьих... (и так далее).

– Но! Самое главное изменение, какое будет в этом году, – завучиха сделала эффектную мхатовскую паузу, – заключается в том, что все записи должны вестись не фиолетовым, а черным цветом!!!

Она сказала это так, как говорят новость о высадке инопланетян. Но сидящий здесь народец, по скудости своего умишка, не оценил новаторства и отнесся к нему равнодушно. Это так удивило завучиху, что она чуть не закончила выступление, но, собравшись с духом, обиженным голосом продолжила перечислять менее судьбоносные изменения в деле бумагомарания.

Первое, что я начал усваивать в своей педагогической деятельности, – ведение Журнала. Раньше, в своем наивном детстве и даже в восторженной юности я ошибочно полагал, что человек – царь природы. Скоро я понял, насколько был далек от страшной истины. Владычество человека закончилось тогда, когда была изобретена Бумага. С тех пор человек без Бумаги не человек, а подозрительный субъект без документов.

Для чего человек рождается? Бросьте всякие наивно-языческие мифы о смысле жизни, о миссии и божественном предназначении. Все намного проще – человек рождается, чтобы получить свидетельство о рождении. Для чего человек умирает? Правильно – чтобы его родным выдали свидетельство о смерти. Вся жизнь человека прошла бы впустую и не оставила бы следа, если бы не документы, которые, подобно

капелькам в камере Вильсона, отмечают жизненную траекторию, своего рода бумажный трек.

Собирать учеников в кучу и держать их в одном помещении 45 минут нужно не для того, чтобы они чему-то научились, а для заполнения графы Журнала. Только бестолковый идеалист думает иначе.

В цепочке «учитель – организация учебного процесса – ученик – успехи ученика – Журнал» оказалось много лишних элементов. Стараниями чиновников от образования цепочка приобрела восхитительное совершенство в своей краткости «учитель – Журнал». Это позволило при заполнении Журнала избежать всяких недоразумений, всегда имеющих в реальном учебном процессе: то «двойку» не тому поставишь, урок не по плану проведешь, темы местами поменяешь. Журнал обрел канцелярскую красоту и четкую ответственность содержания чиновным идеалам. Небольшой побочный эффект, связанный с тем, что Журнал перестал отражать реальность, конечно же, оказался слишком мелким, чтобы быть принятым во внимание.

Любой чиновник будет судить о вашей работе не по результатам (бог его знает, в чем он заключается – этот пресловутый результат образования!), а по ведению школьной документации: записаны ли в Журнале все темы в соответствии с программой, какова «наполняемость» оценок, стоят ли там, где должны стоять, точки, запятые и т.д. В некоторых, особенно продвинутых в педагогическом плане, школах требуется заполнение Журнала цветом только одной пасты, чтобы было красиво. Естественно, что заполнение Журнала осуществляется не по количеству уроков и фактическому времени их проведения, а так, как положено по учебному плану и учебной нагрузке. Это окончательно доказывает, что документ начинает жить своей жизнью, мало связанной с реальностью. Он становится *самодостаточным*.

В конце каждой четверти каждый классный руководитель садится в опустевшем классе и в полной тишине начинает творить: он считает, сколько уроков пропустили его подопечные чада, сколько из них они пропустили по болезни, сколько по уважительной причине, а сколько без таковой. В результате мучительных арифметических расчетов (надо, чтобы числа в строчках сходились с числами в колонках) учитель получает четыре заветные цифры, которые по большому счету ни о чем не говорят. Например, за четверть в классе было пропущено 235 уроков, из них по болезни – 160, а по уважительной причине – 25. О чем читателю говорят эти цифры? Какой вывод можно сделать без до-

полнительных данных? Это мог быть класс малокомплектной деревенской школы, где в классе три ученика, и класс в переполненной школе, где по тридцать с гаком учеников. Эти пропуски могли быть совершены несколькими учениками или одним. Они несут информацию только для того человека, который знаком с конкретной ситуацией, а это сам учитель, завуч и, может быть, директор школы, если это директор, вникающий в подобные дела. Для остальных – это цифры и ничего более. Но далее эти цифры, подобно электромагнитным волнам, отрываются от порождающего их источника и начинают самостоятельную жизнь.

Эти цифры стекаются в кабинет завуча и там суммируются. Полученные результаты завуч любовно и бережно доставляет в районный отдел образования. Дальше цепочка становится для меня ненаблюдаемой, но я мысленно представляю, как в результате титанической работы тысяч людей от образования эти цифры, подобно речным потокам, сливаются и становятся все шире и полноводнее, пока наконец где-то в сияющей высоте самый большой и главный считальщик не получит последние четыре окончательных числа. Он торжественно их огласит, как истинное имя бога, и эти волшебные звуки вызовут чудо и всеобщую благодать.

И если кто-то выскажет крамольную мысль о бессмысленности большей части этой писанины, то он покусится на самые основы государственного образования. Те, кто искренне считают бумагомарание важнейшим занятием, тут же хором заорут: «Слово и дело». Богохульник будет безжалостно распят, колесован, четвертован и уволен по собственному желанию. А прах его сожженного тела послужит материалом для создания чернил.

Поэтому я должен аккуратно и своевременно приносить Журналу ритуальную жертву своего времени, чтобы никто не догадался, что я в это божество не верю.

К моему сожалению, Штирлица из меня не вышло – провалы следовали за провалами. Всегда находится дело, по моему мнению, более важное, чем заполнение Журнала: то надо в перемену приготовить опыт, то после уроков проконтролировать дежурство по классу и т. п. Поэтому последняя страница Божества, посвященная оценке моего религиозного рвения, называемая «Замечания по ведению Журнала», несмотря на мои старания, пестрела замечаниями завуча, как дневник плохого ученика.

Но все это было еще впереди. А пока я сидел на педсовете и некомпетентно удивлялся, почему большая часть, да какая там часть, весь педагогический совет посвящен ведению Журнала.

Наконец наступил конец! Педагоги быстро рассосались на группы по интересам и разбежались по школе. Завучиха повела знакомить меня с кабинетом физики и лаборанткой. Я шел чуть впереди завучихи, и наша пара напоминала арестованного и тюремщика. Сходство усиливалось от длинных коридоров, пугающе называемых «рекреациями» и зачем-то покрашенных в тоскливый темно-синий цвет. Хотелось бы посмотреть на человека, решившего, что этот цвет является вполне красивым и подходящим для школы.

Под игривым словом «лаборантка» подразумевалась Анна Галактионовна, дородная и грозная на вид тетенька, которая все время смотрела на меня оценивающе-подозрительно, как управдом Яковлев на Милославского-Куравлева. И это было непонятно, потому что замшевых курток (ни штуки) в кабинете физики не было, а была всякая стеклянно-деревянно-металлическая дребедень, бывшая новым оборудованием во времена Ломоносова Михаила Васильевича. Его портрет сурово смотрел со шкафа в лаборантской, будто обижался на меня. Понятно, он-то босиком из деревни в Москву сбежал, а теперь сердает, так как понять не может, почему я совершил обратный путь. Я вдруг понял, что Анна Галактионовна и Михайло Васильевич – родственники!

Ночью мне снились Михайло Васильевич и Анна Галактионовна. Они пили мою кровь, а Ломоносов давил мелких, летающих кровососущих насекомых и называл их корпускулами.

А через три дня наступил ОН! День Первого сентября.

СЕНТЯБРЬ

Образование – это процесс метания фальшивого бисера перед натуральными свиньями.

Ирвин Эдман

Учителя и ученики живут по своему летоисчислению, не совпадающему ни с григорианским, ни с юлианским календарем. Год для них начинается первого сентября, а заканчивается в конце мая. Он состоит

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru